

Л. Ф. Попова

**ДЕВИЧЬЯ И ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА ЗАПАДНЫХ КАЗАХОВ
В АЛЬБОМЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РИСУНКОВ
В. Н. ПЛОТНИКОВА**

АННОТАЦИЯ. Статья содержит аналитический обзор хранящегося в Российском этнографическом музее (РЭМ) альбома акварелей В. Н. Плотникова — ценнейшего источника по этнографии казахов рода джагалбайлы племенного объединения жетіру Младшего жуза и племени кипчак Среднего жуза. Альбом, выполненный в 1859–1861 гг., был представлен на Этнографической выставке 1867 г., где получил высокую оценку. По всей видимости, альбом имел авторский комментарий, местонахождение которого неизвестно. Автором предложен собственный комментарий, сделанный в отношении предметов девичьего и женского костюма. Основными использованными источниками явились казахские коллекции РЭМ, содержащие костюмы западных казахов с Первой этнографической выставки 1867 г., а также труд полковника В. А. Потто «Киргизские очерки», изданный в 1876 г. Потто приводит много подробностей, которые настолько хорошо соотносятся с материалами В. Плотникова, что это заставляет предположить знакомство первого с утраченным ныне комментарием. Девичий и женский костюм характеризуют 30 рисунков, большинство из которых являются уникальными изображениями, позволяющими достоверно документировать облик казахского костюма 1850-х гг. Особую ценность имеют изображения свадебных головных уборов *саукеле*, девичьих головных уборов разных видов и девичьих нагрудников, носившихся вместе с шейным украшением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. Плотников, этнографические рисунки, казахи, девичий костюм, женский костюм

УДК 391.2(=512.122)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-120-129

ПОПОВА ЛАРИСА ФЕДОРОВНА — заведующая отделом этнографии народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: rem_larisa@mail.ru

В Российском этнографическом музее хранится альбом акварелей, выполненных в 1859–1861 гг. В. Плотниковым в аулах казахов рода джагалбайлы, входящего в состав родового объединения жетіру Младшего жуза и казахов племени кипчак Среднего жуза. В конце 1850-х гг. эти группы относились к Области оренбургских киргизов, территориально они были расселены в северо-восточной части современной Актюбинской области, в бассейне реки Орь. Альбом В. Н. Плотникова, состоящий из 45 листов (РЭМ № 8764-17141-17186), был представлен на Первой этнографической выставке 1867 г. (Москва) и, получив высокую оценку, был удостоен премии. Значение этого источника для казахской этнографии трудно переоценить. Во-первых, он документирует материальную культуру казахов в тот период, когда фотографический способ фиксации еще не использовался исследователями в полевых условиях; во-вторых, альбом отличается исключительной тематической широтой, он характеризует орудия труда, инструментарий, костюм, утварь, жилище, оружие, снаряжение верхового коня, транспортные средства; в-третьих, большинство рисунков снабжены казахской терминологией; в-четвертых, многие изображения уникальны и не имеют аналогов в иллюстративных материалах или вещевых музейных собраниях. Материалы альбома, являясь системным срезом казахской культуры, фиксируют этнокультурные процессы середины XIX в., в том числе новации, обусловленные различными факторами. По всей видимости, альбом имел авторский комментарий, местонахождение которого, к сожалению, неизвестно. Безусловно, этот источник нуждается в дальнейшем изучении и создании нового комментария, который способствовал бы введению в научный оборот ценной информации по традиционной культуре казахов западных областей. Составление такого комментария можно осуществить лишь при опоре на другие виды источников, в первую очередь письменные, включающие сведения бытописателей, путешественников, исследователей хронологически близкого периода. Среди них следует выделить работу В. А. Потто (1887), выдержки из которой обильно приводятся в нашей работе. Свидетельства Потто, касающиеся казахской одежды, содержат много интересных подробностей, которые настолько точно соотносятся с изображениями в альбоме В. Н. Плотникова, что невольно возникает вопрос: не был ли автор знаком с комментариями художника и не опирался ли на них при составлении своих описаний? Если это так, то данные полковника В. А. Потто приобретают еще большую ценность, но пока вопрос остается открытым.

Не менее важную роль в работе над комментарием к альбому играют иллюстративные и вещественные источники, каковыми являются музейные памятники. Наибольшее число вещевых аналогов к изображениям альбома находится в казахских коллекциях Российского этнографического музея — это прежде всего экспонаты Первой этнографической выставки 1867 г., собранные, в частности, в Области оренбургских киргизов в 1866 г. Доскональное знание этих предметов позволило автору во многих случаях уверенно описать те материалы, из которых были изготовлены зарисованные художником вещи.

Первая публикация об альбоме В. Н. Плотникова была подготовлена А. С. Бежковичем (1853), который, не будучи специалистом по этнографии казахов, допустил много неточностей в своем описании. Материалы альбома были известны И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой (1964) — авторам единственной монографии по казахскому костюму, хотя они не использовали их как источник для своих выкладок. Мною был сделан аналитический обзор изображений головных уборов, представленных художником с исключительной полнотой (Попова 2011).

Одежде художник закономерно отвел в альбоме значительное место — это 12 листов с изображениями комплексов мужских, девичьих и женских костюмов, а также их отдельных предметов. Должное внимание получил костюм девушек, составлявших в традиционном обществе особый

возрастной класс со своей знаковой системой, проявлявшейся наиболее ярко именно в одежде. На листе № 8764-17143 имеется девичий портрет анфас, в полный рост, под названием «Богатая киргизская девушка». Ее костюм составляет длинное до пят платье зеленого цвета (слегка виден край подола из-под халата и воротник), такой же длинный халат из бордового бархата, по краям которого нашита полоса золотистого галуна, шапочка, имеющая коническую тулью с меховой опушкой, обувь с узким носком. Статус богатого костюма определял халат из самой престижной для казахов ткани — фабричного бархата (Попова 2017), а также металлизированный галун. Покрой халата характеризует традицию первой половины XIX в., когда у казахов господствовала туникообразная одежда с прямым цельнокроеным станом. По свидетельству источника, такой халат был принадлежностью каждой просватанной девушки (Әбдешев 2008: 13) и мог выступать как свадебная одежда.

Шапочка у казахов повсеместно являлась основным видом девичьих головных уборов, форма ее тули определялась локальными традициями определенного исторического периода. Рисунок документирует сравнительно высокую коническую тулью, которая была характерна и для некоторых видов мужских головных уборов. Во второй половине XIX в. этот признак девичьих и мужских уборов уже не был значимым. Единственным аннотированным аналогом изображенной шапочки является хранящийся в РЭМ девичий головной убор с Первой этнографической выставки, хотя его декор намного сложнее — это навершие с подвесками, нашивные штампованные бляшки, перья в височной части на одной стороне (РЭМ № 8763-610). В Центральном музее Республики Казахстан имеется экземпляр стеганой шапочки с конической тульей (КП № 3422), который атрибутирован как девичий, но и мужские шапки казахской элиты имели идентичную конструкцию и декор, что доказывает тот же альбом В. Н. Плотникова (РЭМ № 8764-17147). Тем самым на фоне узости источниковой базы по казахскому костюму середины XIX в. документированное изображение богатого девичьего костюма имеет большую историческую ценность.

Рисунок с подписью «Девка в бешмете, повязанная платком» (РЭМ № 8764-17144) представляет фигуру девушки в полный рост со спины. Ее костюм состоит из длинного платья в полосу, верхней одежды с ромбическим рисунком, обшитой по краю полосой ткани и меха (?), обуви без каблука, головного убора в виде повязки из платка красного цвета с черной бахромой. В костюме особо примечательны два предмета. Во-первых, это верхняя одежда, названная бешметом, покроем которой является переходным от архаичного туникообразного к кроенному по лекалу. Тем самым изображение фиксирует этап трансформации казахского костюма, во многом связанный с влиянием культуры казанских татар (Попова 2008). Во-вторых, это другой вид девичьего головного убора — головная повязка из платка: его полотно слегка сжато и наложено в средней части на лоб, концы, свободно завязанные на затылке, свисают до пояса, на макушке видны завитки (перья?). Место повязок в культуре западных казахов позволяют оценить сведения В. А. Потто: «Богатые девушки носят бархатные тюбетейки с выдровым или бобровым околышками; прочие заменяют этот убор красивыми тюрбанами, сделанными из драдемамовых или кашмирских шалей» (Потто 1877: 167).

На том же листе находится погрудный портрет девушки, именованный «Девка в повязке». Повязка сделана из платка с ярким растительным рисунком. Скорее всего, это изделие платочной мануфактуры села Павловский Посад, продукция которой обрела широкую популярность у кочевых народов региона. В пользу этой версии говорит аналог из собрания РЭМ, а именно павловопосадский платок, входивший в состав девичьего костюма с выставки 1867 г. Рисунок отображает другой способ завязывания — платок драпирован наподобие чалмы, а его концы свисают только на уровне лица. Интересно, что традиция ношения девичьих повязок на западе Казахстана доживает до 1920-х годов, что зафиксировано фотографиями того времени (МАЭ № 2301-31; Архив ИЭА

РАН. Ф. 94. № 2494). Об этом говорит и С. И. Руденко: «Девушки не повязываются жаулык, а цветной, чаще всего красной шалью» (Руденко 1927: 28).

Продолжает тему девичьих головных повязок рисунок «Повязка Джагалбайлинской девушки» (РЭМ № 8764-17146). Повязка красного цвета с ярким цветочным рисунком. По всей видимости, платок здесь скручен слабым жгутом и размещен на голове наподобие венка, концы завязаны с правой стороны узлом со свисающей бахромой. Этот способ завязывания интересно сравнить с инструкцией собирателя казахских костюмов для выставки 1867 г.: «Боковыми концами [платка. — Л. П.], загнутыми под висячий сзади, стянуть голову в один оборот, и на переди или с боку связать узлом» (Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 8. С. 10об.). Макушка при таком способе завязывания оставалась открытой, что является одним из универсальных знаков девичества. Рисунок фиксирует и прическу девушки, состоящую из многочисленных тонких косичек. Рядом художник поместил схематическое изображение плетения девичьей косы (из четырех прядей), которое может быть оценено как уникальное. Как известно, в большинстве культур девичья прическа противопоставлялась женской в знаковом отношении.

Следующим видом представленных девичьих головных уборов является шапка с меховым околышем и мягкой конической тульей, которая наподобие колпака свисает назад, тулья декорирована золотным шитьем, на ее конце — крупная кисть из золотной бахромы (РЭМ № 8764-17154). По конструкции шапка сходна с девичьими калфаками казанских татарок (Суслова, Мухамедова 2000: 44). Рисунок именован «Щегольская шапка богатой киргизки». Аналог этого изображения можно обнаружить в альбоме рисунков адмирала А. И. Бутакова (1848), находящемся в библиотеке РЭМ. Описание такой шапки находим и у А. Харузина: «“Вот, господа, <...> шапки наши: шапка богатой девушки”, — сказал он, передавая нам круглую шапку из меха выдры, с зеленым бархатным верхом и висевшим мешком на боку, шитым золотом, украшенным золотом кистью на конце» (Харузин 1888: 76).

Большую ценность представляют семь рисунков листа № 8764-17145: шейное украшение *тыкь-жага*, два нагрудника *унгуриэ*, украшение нагрудника, две серьги с подписью «Серьги в настоящей величине». По свидетельству В. А. Потто: «Необходимым дополнением для полного костюма как молодой замужней женщины, так и взрослой девушки служит нагрудник, показавшись — *унгуриэ*. Прежде при этих нагрудниках носился еще *тыкь-жага* — небольшой стоячий воротник, украшенный также кораллами, фигурками из дутого серебра, а то и просто разноцветными стеклянными шариками. К воротнику с одной стороны пришивался мешочек...» (Потто 1877: 166–167). Таким образом, размещение этих предметов на одном листе неслучайно — они представляют собой комплекс, входящий в состав девичьего костюма. Девичья рубаха у казахов имела вертикальный ворот, в отличие от рубах с горизонтальным воротом, бытовавших у оседлых народов Средней Азии. Вертикальный ворот требовал нагрудника, который надевали под платье (Кубель, Попова 2015).

Оба представленных в альбоме нагрудника имеют шестиугольную форму (прямоугольник со срезанными верхними углами). Они изготовлены из бордового бархата и декорированы полосами галуна желтого цвета. К верхним углам одного из нагрудников пришиты два украшения из четырех бляшек сложной конфигурации, подвижно соединенных по вертикали, бляшки имеют вставки из красного стекла и подвески по бокам. Поскольку нагрудник надевался под платье, то, полагаем, эти свисающие украшения выправлялись поверх платья или верхней одежды.

Изображение нагрудника с украшениями уникально. В РЭМ хранятся всего два нагрудника (РЭМ № 8762-23579, 23580), нашивных ювелирных украшений они не имеют, но по форме

и характеру накладного декора являются полными аналогами изображений В. Плотникова. Один из них, изготовленный из красного сукна, входил в состав девичьего костюма, второй, бархатный, — свадебного. В связи с разницей в использовании материалов интересны данные В. А. Потто: «Они [нагрудники. — Л. П.] шьются у богатых из малинового бархата, а киргизок средней руки — из красного сукна, расшитого в узор цветными шелками» (Потто 1877: 167).

Приводимое В. Н. Плотниковым украшение *тік-жага* представляет собой полосу из бордового бархата, обшитого по краям узкой полоской среднеазиатской полуселковой ткани, орнаментированной в технике резервированного крашения *икат*. На левом конце пришиты три металлических пуговицы яйцевидной формы, на правом — три навесных петли из шнура с закрепленной посередине красной бусиной. К нижнему левому углу украшения на трех нитях с пронизками-бусинами прикреплен амулет (?) в виде прямоугольного мешочка с аппликацией из галунной тесьмы: одна горизонтальная полоса, к которой примыкают три вертикальных. По данным В. А. Потто, в этот мешочек в магических целях помещали гвоздику (Потто 1877: 167).

Изображение шейного украшения *тік жага* представляет большой научный интерес в плане особенностей декора, в том числе и такой его детали, как наспинный мешочек. В собрании РЭМ имеется всего один экземпляр *тік жага* (РЭМ № 8762-23617), но украшен он совсем по-другому: в центре фестончатая бляшка с сердоликом, по нижнему краю — подвески, как у татарского шейного украшения *яка-чылбыры*. Предмет входил в состав того же девичьего костюма с выставки 1867 г. О наличии украшений этого вида в фондах других музеев сведений не имеется.

Девичья обувь представлена в альбоме В. Н. Плотникова туфлей богатой девушки, поименованной художником «калошами», из чего следует, что их носили с ичигами — сапожками на мягкой плоской подошве. Примером такого комплекса могут служить ичиги и туфли из тонкой кожи зеленого цвета, входившие в состав упомянутого девичьего костюма (РЭМ № 8762-23601, 23599/1, 2). На рисунке изображена одна «калоша» фиолетового цвета, головка и задник которой орнаментированы золотным шитьем. Трудно сказать, покрыта ли кожаная основа туфли тканью с вышивкой или декор выполнен непосредственно на коже. Согласно Потто, «иногда вместо сапог надевают “ичики”; но в этих случаях поверх их носят галоши из зеленой бухарской кожи или из сафьяна, нередко шитого серебром и золотом» (Потто 1877: 165). По всей видимости, изображенная обувь изготовлена мастерами ичижного промысла Казани, что вновь указывает на престижные функции татарских изделий в казахской культуре середины XIX в.

Дорожный вариант девичьего костюма с пояснением «Летняя одежда киргизской девушки» представлен на листе № 8764-17154. Девушка изображена со спины, верхом на лошади, ее костюм включает длинное платье, халат красного цвета, подпоясанный мягким синим кушаком, головную повязку красного цвета со свисающими концами. Этот рисунок важен как фиксация традиции подпоясывания одежды. Если жительницы среднеазиатских оазисов не подпоясывались, то у кочевых народов региона женщины подпоясывали верхнюю одежду, делая это обычно в дорогу или в торжественных случаях.

Большой интерес представляют рисунки семи казахских съемных украшений. Как свидетельствует Потто, «к предметам щегольства и моды должно приписать у женщин: монисты, браслеты, серьги, кольца и перстни» (Потто 1877: 167). За исключением монист остальные виды в альбоме представлены. Два из них — браслет и серьга — помещены на том же листе, что и костюм богатой девушки. Возможно, что это не случайно, поскольку оба украшения являются татарскими. Браслет изготовлен из желтого металла, декорирован кастами с вставками из цветного стекла, окаймленными пояском круглых гнезд с вставками из бирюзы. Такой тип браслетов имел у татар очень

широкое распространение (Суслова, Мухамедова 2000: 239). Имеются они и в музейных собраниях, причем это, в частности, экспонаты Первой этнографической выставки из комплекса девичьего костюма (РЭМ № 8762-23606). Крючковая серьга имеет ажурный филигранный подвес сердцевидной формы, поверх которого напаяны касты со вставкой из стекла и бирюзы (Суслова, Мухамедова 2000: 212). Подражание таким серьгам выполняли мастера с. Рыбная Слобода Казанской губернии, адресуя свою продукцию «инородцам» Российской империи (РЭМ № 6074-3/1, 2).

Две другие серьги с крупным волнообразно изогнутым крючком выполнены в другом стиле, связанном с местными традициями западно-казахских территорий. В основе этих украшений — проволочный стержень, на одном конце которого имеется упор для пронизок, каковыми у одной серьги является крупная биконическая деталь, а у другой — мелкие шаровидные бусины, верхняя часть стержня изогнута как крючок, кончик которого фиксирует в маленькой петле верхней пронизки. Эти изображения редкие хотя бы в силу того, что казахских серег в музейных собраниях очень мало по причине ограниченной сферы их бытования — женщины не носили их под головным покрывалом. Очевидно, что данные серьги также входили в комплекс девичьего костюма, поскольку они расположены рядом с изображениями нагрудников на листе № 8764-17145.

Рисунки трех колец находятся рядом (РЭМ № 8764-17146), они даны художником в натуральную величину. Одно кольцо имеет плоскую шинку с напаянным овальным щитком-кастом, в котором закреплена вставка кораллового цвета, возможно, из сердолика, щиток фланкирован тремя маленькими гнездами с синими вставками. Другое кольцо однотипно с первым: на плоской раздвоенной на концах шинке расположен круглый щиток-каст с вставкой синего цвета. Кольца такого типа могли быть и татарской работы (Суслова 1980: 118), они повсеместно составляли излюбленный вид украшений, характерный и для девичьего, и для женского костюма.

В отличие от них, третье кольцо являет собой образец так называемого «геометрического» стиля, характерного только для западных районов Казахстана. Его отличают крупные размеры украшений и ясность простых форм — круга, овала, квадрата. Изображенное украшение имеет овальный щиток, на поверхности которого угадывается каст с вставкой из стекла, на ее поверхности расположена ромбовидная накладка.

Свадебный костюм В. Н. Плотников представил головным убором *саукеле*, экзотическая форма которого и сложная система декора всегда привлекала внимание наблюдателей казахского быта, а позднее и исследователей (Стасевич 2006). На листе № 8764-17141 изображен свадебный головной убор *саукеле* в двух видах — спереди и сзади. Вид спереди передан так, как убор выглядел бы на голове, когда его задняя часть полностью скрыта. Рисунок передает детали сложной конструкции *саукеле*: верхний колпак с нашивными декоративными элементами, наушные треугольные лопасти находящейся под колпаком шапочки и пришитые к ней изнутри две пары боковых подвесок.

Колпак обтянут бордовым бархатом, в верхней части и посередине нашиты галунные ленты, делящие *саукеле* на три зоны. В нижней зоне расположена металлическая диадема, состоящая из подвижно соединенных бляшек, среди которых формой, величиной и декоративными деталями выделяются центральная и две боковые бляшки. На них напаяны два каста с цветными вставками, нижний каст центральной бляшки обрамлен круглыми гнездами с вставками из бирюзы. По нижнем краю диадемы густо расположены удлиненные бляшки-подвески. Над диадемой темной выпуклой полосой передана нашивка из меха. В средней зоне находятся нашитые мелкие штампованные бляшки в форме кружка и «восточного огурца». На макушке — четыре овальные бляшки с мелкими бирюзовыми вставками по краю и крупной вставкой в центре из зеленого, синего или красного стекла.

Парные боковые подвески одинаковой длины. Одна пара подвесок состоит из пяти пучков низок кораллов и жемчуга, проведенных через металлические пластины-пронизки, которые не позволяли низкам перепутаться. На конце каждого пучка прикреплена кисть из низок жемчуга, оканчивающихся металлическими миндалевидными бляшками с коралловой бусиной на нижнем заостренном конце. Подвески *бэт-мунишак*, образующие вторую пару, неодинаковы: правая состоит из трех металлических бляшек с кистью на конце, левая — из четырех бляшек другой формы, также с кистью на конце. Художник делает акцент на деталях *бэт-мунишак* и на том же листе помещает изображение в натуральную величину двух видов бляшек, из которых составлены подвески *бэт-мунишак*, а также нижней кисти этих подвесок. Бляшки имеют подвески по бокам и снизу, на поверхности напаяны касты со вставками из сердолика и зеленого стекла. Светлая полоса по краю передает наличие отделочной ленты, возможно, из скани. Нижние кисти подвесок *бэт-мунишак* состоят из золоченого со вставками из бирюзы орнаментированного куполка, соединенного с низками жемчуга и кораллов, на конце которых находится штампованная подвеска.

Вид *саукеле* сзади передает дополнительно нашитые галунные ленты, идущие в виде треугольника от нижней полосы к верхней, а также ленту, расположенную полукругом на макушке. Бляшки в средней части только круглой формы. Из-под полосы меховой обшивки отходят две бархатные накосные полосы с заостренными концами, обшитые бахромой. Полосы декорированы золотым шитьем.

Изображение документирует локальную специфику головных уборов *саукеле* северных областей Среднего жуза, для которого характерно использование галунной ленты, золотное шитье, мелкие нашивные бляшки в средней зоне. Также рисунок значим со следующих позиций: а) дан полный облик боковых подвесок, которые в музейных памятниках часто оборваны или утрачены, а на фотографиях плохо видны; б) абсолютно уникален вариант асимметричных подвесок *бэт-мунишак*, элементы которых даны в натуральную величину. Конструкция этих подвесок и форма их бляшек воплощает некую бинарную оппозицию, связанную со свадебной символикой, возможно, мужское — женское, девичье — женское, род родителей — род мужа и т. п. Однако за отсутствием аналогов и параллельных описаний какое-либо определенное заключение вряд ли возможно сделать. У В. А. Потто также отсутствует упоминание о *бэт-мунишак*, но зато интересны сведения о другой паре подвесок, которые он называет *жактау*: «Жактау у богатых из жемчуга, кораллов, бирюзы и аметистов <...> Длина служит наглядным выражением богатства ее обладательницы. Часто подобные нити доходят до пояса, но есть и такие, которые спускаются ниже колена» (Потто 1877: 167).

Тему свадебной одежды продолжает следующий лист (№ 8764-17142), где В. Н. Плотников поместил изображение женщины в *саукеле* под названием «Киргизская женщина в свадебном наряде». Отличия этого свадебного убора от описанного выше состоят в отсутствии металлических украшений колпака, в наличии только пары подвесок *жактау* из низок кораллов, на конце которых вместо жемчуга — раковины каури; сзади к колпаку пришита пара шнуров с кистями, расположенных ярусами; справа в области виска прикреплены перья. Вполне очевидно, что декоративная система данного головного убора проще и состоит из недорогих элементов. Подтверждение этому опять же находим у В. А. Потто: «У киргизов средней руки колпак обвивается золотым позументом, а у самых беднейших — даже олово, и то играет важную роль при украшении этого убора» (Потто 1877: 166). Музейные экземпляры *саукеле* единичны, но они являются довольно богатыми уборами, поэтому и это изображение следует отнести к разряду редких, позволяющих расширить представление о знаковой маркировке имущественного статуса семьи невесты.

На листе № 8764-17185 представлено изображение невесты на лошади в свадебном убранстве. Сцена иллюстрирует переезд девушки из родного дома в аул жениха. Фигура женщины в магических целях скрыта белым покрывалом, но под ним явно проступает высокий головной убор конической формы. Из-под покрывала частично виден пунцовый халат с галунной лентой, нашитой вдоль края пол и подола. Аналоги данному изображению нам неизвестны.

Молодوخа носила свадебный головной убор до рождения первого ребенка, но доподлинно неизвестно, надевала ли она его каждый день или только в торжественных случаях, как полагает большинство исследователей. Поэтому ценным аргументом в пользу мнения о возможности повседневного ношения этого пусть и громоздкого головного убора является рисунок «Джагалбайлинская женщина с надетым, сверх саукеле, джелеком». На нем запечатлена молодая женщина в будничном халате синего цвета, заправленном в шаровары, как это делалось при выполнении хозяйственных работ: «Бедные киргизки во время работы надевают широкие шаровары, носимые поверх рубахи» (Юзефович 1880: 801). Рабочую ситуацию подчеркивает деревянное ведро в руке женщины. Значительный контраст с простотой верхней одежды составляет нарядный чехол-покрывало из среднеазиатской полупелюшковой ткани с пестрым абстрактным рисунком, скроенный по форме головной убора, к верхушке чехла пришита тесьма с кистью на конце. Рисунок также является единственным в своем роде.

Головной убор молодой женщины, характерный для возрастной группы матерей, представлен на рисунке «Богатый щегольской жаурук». Убор, видимо, состоит из двух частей — плотно охватывающей голову белой повязки (шапочки?) и белого покрывала, верхняя часть которого задрاپирована вокруг головы сложными складками, а нижняя часть окутывает стан до пояса. По краю покрывала пришита золотистая бахрома, изящно подчеркивающая линии драпировки.

Женское покрывало *джаурук* составляет особенность культуры лишь части казахов Младшего жуза, типичным же головным убором казашек являлся *кимешек* в виде глухого капюшона с вырезом для лица и тюрбан. Этот комплекс запечатлен на рисунках «Кипчакская женщина», «Джагалбайлинская женщина» (РЭМ № 8764-17143), «Киргизка в зимней одежде» (РЭМ № 8764-17144). Женщина племени кыпчак представлена в синем платье и бордовом халате с полосатым рисунком, без пояса, в ее правой руке — подойник. Халат походит на типичный «хивинский», шившийся из полосатой ткани *алача*. Такие халаты имели очень широкое бытование на западе Казахстана, но преимущественно у мужчин. Здесь В. А. Потто поясняет: «Обыкновенный костюм киргизский женский состоит из длинной женской рубахи, спускающейся поверх шаровар, из мужского халата и сапог, сшитых из простого черного товара или из красной юфтевой кожи» (Потто 1877: 165). Использование женщинами мужской верхней одежды объясняется неразвитостью ее женского варианта у народов Средней Азии в связи с домашним образом жизни женщин (Сухарева 1979: 100–101).

Зимний костюм киргизской женщины составляют платье, халат синего цвета с очень длинными рукавами, большая белая шаль, длинные концы которой закинута за спину, а потом, вероятно, проведены подмышками на грудь наподобие кушака и завязаны.

Джагалбайлинская женщина представлена в рабочем костюме — это широкие шаровары *шалбар*, в которые заправлены полы верхней одежды, тип которой не ясен — она напоминает нераспашную куртку с глубоким разрезом вертикального ворота, в разрезе ворота видно платье красноватого оттенка. Интересна поза женщины — ее руки заведены назад и на уровне поясницы удерживают палку в горизонтальном положении.

Дорожный женский костюм охарактеризован на рисунке «Замужняя киргизка в летней одежде»: конная всадница одета в синий полосатый халат с очень длинными рукавами, подпоясанный белым кушаком (РЭМ № 8764-17153).

В заключение суммируем, что альбом В. Н. Плотникова содержит около 30 уникальных изображений, характеризующих девичий, женский свадебный и костюм замужних женщин Западного Казахстана. Наибольший научный интерес представляют изображения головного убора невесты *саукеле*, свадебных покрывал, девичьих головных уборов разных видов, комплекса девичьего нагрудника и шейного украшения, девичьего бешмета. Материалы альбома помогают реконструировать формы казахского костюма первой половины XIX в., фиксируют динамику его изменений, характеризуют престижные стороны культуры и ее знаковую систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Архив РЭМ. Ф. 5.
 Архив ИЭА РАН. Ф. 94.
Бежкович А. С. Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов // Советская этнография. 1953. № 4. С. 113–119.
Бутаков А. И. Альбом с зарисовками из экспедиции на Аральское море (1845–1859 гг.).
Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда (XIX — начало XX века). Алма-Ата, 1964.
Кубель Е. Л., Попова Л. Ф. Нагрудник в девичьем / женском костюме тюркских народов Средней Азии и Казахстана // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. СПб., 2015. С. 204–210.
Попова Л. Ф. Факторы инноваций в казахском костюме XIX в. // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: материалы VII Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2008. С. 294–300.
Попова Л. Ф. Казахские головные уборы в альбоме рисунков В. Плотникова // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 86–92.
Попова Л. Ф. Бархат в казахском костюме XIX — начала XXI в. // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии: материалы XX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 30 мая — 2 июня 2017 г. СПб., 2017. С. 188–192.
Потто В. Из путевых заметок по степи // Военный сборник. 1877. № 11. С. 154–172.
Руденко С. И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Антропологические очерки. Материалы комитета по обследованию союзных и автономных республик. Вып. 3: Серия казахстанская. Л., 1927. С. 6–32.
Стасевич И. В. Саукеле из Западного Казахстана в собрании РЭМ // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: материалы междунар. науч. конф. Актобе, 2006. Ч. 1. С. 122–129.
Суслова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. М., 1980. С. 128.
Суслова С. В., Мухаммедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала. Казань, 2000. С. 312.
Сухарева О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 77–103.
Харузин А. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). М., 1888.

Юзефович Б. О. О быте киргизов Тургайской области // Русский вестник. 1880. № 4. С. 799–832.

Әбдешев М. Е. Қазақ портреттерінің тарихы. Алматы, 2008.

GIRL'S AND WOMEN'S CLOTHING OF THE WESTERN KAZAKHS IN THE ALBUM OF ETHNOGRAPHIC DRAWINGS BY V. PLOTNIKOV

ABSTRACT. The article contains analytical review of the album of watercolors by the artist V. Plotnikov kept in the Russian Museum of Ethnography (REM). This album is a valuable source for studying the Kazakh clan Zhagalbaily from the tribal group Jetyru of the Junior Zhuz and Qypchak tribe of the Middle Zhuz. The album was created in 1859–1861 and was displayed in 1867 at the Ethnographic Exhibition, where it was commended. It is most likely that the album had the artist's comments, but the place of their current storage is unknown. The author of the paper proposes her own comments to the objects of girl's and woman's gown. It is based mostly on the dresses from the RME Kazakh collections that contain costumes of the Western Kazakhs which were shown at the First Ethnographic Exhibition in 1867 as well as the notes "Kirgiz essays" (1876) by colonel V. A. Potto. Potto provided many details which are closely related to the materials by V. Plotnikov. This fact suggests that the colonel was familiar with the currently missing comments. Thirty drawings depict girl's and woman's costume, most of the drawings are unique and allow to document the Kazakh costume of the 1850s. The images of *saykele* wedding headdresses, girls' headwear of various kinds and girls' breastplates worn with a necklace are of particular value.

KEYWORDS: V. Plotnikov, ethnographic drawings, Kazakhs, girl's costume, women's costume, 1850s

LARISA F. POPOVA — The Russian Museum of Ethnography (Russia, St. Petersburg)

E-mail: rem_larisa@mail.ru